

прочего, любит прибегать к такому самовосхвалению: ... он будто бы пророк, самостоятельно обучившийся этому искусству, он всегда готов отложить дело, сам внезапно на это решась". Вместо местоимения „она“ (трусость), употребляется „он“. Возможно, употребляя местоимение мужского рода, переводчик имел в виду греческое ὁ ὄρκος, но в таком виде эта фраза мало понятна.

На стр. 28 предсмертные слова императора Тиверия, отдавшего дочь замуж за назначенного им наследником Маврикия, переводятся следующим образом: „Подкрепив перед вами таким залогом свои слова (τηλικούτω φύσεως ἐνεχούρω θαρρύνων ὑμᾶς) я унесу с собой это утешение в долгий путь моего нового переселения“. Незачем в данном случае вполне ясное греческое выражение „θαρρύνων ὑμᾶς“ переводить „подкрепив свои слова“. Значимое же слово φύσεως остается здесь вообще без перевода. Мешает пониманию смысла также пропуск в переводе слова ἀπολαύσεως в предложении: „До нас дошел слух, будто в этих банях мылись жены кагана и как плату за это просили его не разрушать здания бань“ (стр. 32). Вероятно, переводчик имеет в виду, что жены кагана просили не разрушать бань в качестве платы за то, что они в них моются. Но это бессмысленно. В то же время в подлиннике (I, 4₅) слово „плата“ имеет дополнение (μισθὸς τῆς ἀπολαύσεως — плата за наслаждение).

На стр. 163—164 ромейский полководец Приск обращается к кагану, убеждая его прекратить грабеж города: „ἀόριστον βούλημα οὐ λαμβάνει κράτος ἀσάλευτον“ (VII, 9₃). Выражение ἀόριστον βούλημα (неограниченное желание) передается словами „неопределенное стремление“, что дает повод к неверному толкованию (неясное стремление). Неудачно переведены следующие затем слова Приска „μεθόδευσον τῷ κόρῳ τὸ ἄσχετον“ как „неудержимый свой голод излечи насыщением“ (стр. 164). Эту фразу можно толковать как побуждение к дальнейшим грабегам.

В ряде мест переводчик дает спорный или во всяком случае не единственно возможный перевод текста, нигде не обосновывая своего толкования. Весьма спорным является, например, перевод одной из первых фраз „Диалога истории и философии“: „ὦ φιλοσοφία, πάντων βασιλεία, εἴ γε συμπρέπει ἐμοῦ τε ποιέσθαι, αὐτὴν δὲ διδάσκεισθαι, ἀποκρινοῦμαι ὡς ἔχω συνέσεως μὴδὲν γὰρ ἀγνώστον ἔχοιμι καλόν, ὡς ἐμοίγε καὶ τῷ Κυρηναίῳ δοκεῖ (Dial., 2)“. „О Философия, царица всех наук, если уж нужно, чтобы ты задавала вопросы мне, *которой самой скорее надо у тебя учиться* (курсив мой. — Я. Л.), я отвечу тебе, насколько есть у меня разума: все знать и понимать я считала бы за благо — по крайней мере таково мнение и мое у мудреца из Кирены“ (стр. 23). Αὐτὴν относится здесь к истории, хотя под αὐτὴν скорее надо понимать философию. Более вероятный перевод этого места: „... если уж нужно тебе задавать мне вопросы, самой же быть поучаемой...“. Более естественный перевод конца фразы: „... таково мнение мое и Киренца“ вместо предложенного „таково мнение и мое и мудреца из Кирены“. Слова Феофилакты „οἱ τε ἐπὶ σκηνῆς λοιδορούμενοι οἷς ἂν ἐθέλοιεν“, (I, 10₁₂) передаются: „Артисты сцены, представляя пороки людей, какие им было угодно...“ (стр. 39), хотя вполне возможен и перевод: „Артисты, порицая, кого им было угодно...“. Если бы такое толкование оказалось верным, мы имели бы интересное свидетельство существования личной инвективы в театре того времени.

Встречаются в переводе и отдельные отступления от правил русского словоупотребления и синтаксиса: „повинясь приказанию“ (стр. 119), „приступит к кормилу этой власти“ (стр. 28), „предлагая тебя императором“ (стр. 29), „в виде обнаженных тел императорской семьи“ (стр. 188) и др.